

АЛЕКСАНДРА ФЛИД

ПОРАБОЩЕНИЕ

Александра Флид

Порабощение

«Издательские решения»

2015

Флид А.

Порабощение / А. Флид — «Издательские решения», 2015

В мире, где питьевая вода превратилась в средство порабощения, люди потеряли человеческий облик. Смогут ли всего три человека побороть систему и изменить ход истории? Одной из них является женщина, готовая отдать свою жизнь ради будущего любимой дочери. Эта женщина опасна и непредсказуема, она способна на отчаянные поступки и неожиданные решения. Именно благодаря ей у восставших против рабства появится шанс на победу.

© Флид А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

О причинах гибели старого мира	6
Женщина без надежды	9
Лаборатория	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Порабощение Александра Флид

*Раньше были свободные, злые, голодные, раньше был кислород
ничей,*

а теперь наши души и органы отданы в руки садистов-врачей

*Нам оставила газ ядовитый горстка элиты – кислород теперь
собственность их*

*Хочешь дышать – придётся платить, но у нас ничего нет, кроме
себя самих.*

Ольга Пулатова, группа «Flëur»

© Александра Флид, 2015

© Ольга Флид, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

О причинах гибели старого мира

На самом деле наша история делится на два старых мира. Первый был задолго до нас, и мы имеем с ним очень мало общего. О том, почему он исчез, известно всем. Однако то, что случилось с миром, в котором мы родились, до сих пор остается не совсем понятным. Многие говорят, что в его гибели виновата моя мама.

Нет, конечно, она не хотела стереть человечество с лица земного. Просто у нее была я – пятилетняя дочь, которая готовилась пройти третий и завершающий тест на пропуск в группу элитного подразделения корпорации «Гидрокс».

Тогда никто и не помышлял о том, что в скором будущем все мы станем жить иначе. Никому не было известно о секретных разработках и лабораториях. Все знали только то, что без Корпорации – именно с большой буквы – человечеству не жить.

Если говорить по порядку, то все дело было в бесконечных открытиях. В том мире, где жили наши предки, каждый хотел как-то выделиться и показать себя. Иногда это получалось, иногда нет. Кому-то везло, а кто-то оставался в стороне. Ученый, который вывел серые водоросли, навсегда вписан в историю как человек, убивший миллиарды людей. Наверняка он хотел, чтобы все было хорошо. Наверняка эти водоросли предназначались для чего-то хорошего. Однако я вовсе не удивлюсь, если они стали побочным эффектом, эдакими издержками производства в ходе работы над каким-то другим проектом. Да и не все ли равно? Главное то, что наши предки слишком поздно поняли, насколько опасными могут стать серые водоросли. Попав в естественный водоем, они приживались и затаивались на целый год. Лишь весной следующего года они начинали выпускать семена, которые, как оказалось, действовали подобно яду.

Первые водоросли попали в сливную яму. Они пролежали там целый год, как и положено. За это время, пока никто еще ничего не знал, они пустили корни и прижились. Весной появились первые семена, и сливная яма наполнилась ядом. Никому не было до этого никакого дела – из нее все равно никто не собирался добывать питьевую воду. Но за год вода из нее просочилась в источники поменьше. Распространение началось, и остановить его было невозможно. Через двадцать лет последствия стали необратимыми.

Питьевой воды не было. Вообще. Все источники оказались отравленными серыми водорослями, которые появились в результате каких-то неудачных опытов. Эти паразиты размножались и заражали новые и новые источники, пока не убили всю доступную воду. Им вовсе не обязательно занимать весь водоем – пары ростков хватает, чтобы отравить десятки тонн воды. Они путешествовали в аквариумах, по водосточным трубам, вместе с торговыми судами и даже на самолетах. Они распространились по всему миру. И всюду, где они появлялись, через год начинали умирать люди. Миллионы людей. Целыми городами. Не просто городами – мегаполисами. Эти населенные пункты остались на фотографиях в учебниках истории.

Страны вымирали целиком. Трупы было некому хоронить, и они лежали грудками на забитых автомобилями дорогах, в парках и даже на детских площадках. Они занимали все обозримое пространство. В каждом доме были трупы. В каждой квартире умирали люди.

Те, кому удалось спастись, были собраны первыми представителями Корпорации. Откуда они взялись – никто не знает. Вероятно, в любые времена находятся люди, способные обратить чужую беду в свою прибыль. Или у корифеев действительно были благие намерения? Кто теперь разберется. Только уже через пятьдесят лет Корпорация собрала под своим крылом всех оставшихся в живых людей. Был создан город, носивший то же имя, что и она. Гидрокс.

Как это стало возможным? Все просто. У Корпорации была вода. Питьевая, чистая, не отравленная вода, которая годилась для живых людей. То, что прежде можно было получить из

любой лужи (образно выражаясь), теперь стало роскошью. Люди долго гадали, откуда у Корпорации бралась эта бесценная жидкость, но никто ничего не смог придумать. Гидрокс вырос в регионе с жарким климатом – словно в насмешку. Люди жили вокруг гигантского здания Корпорации.

Еще через двадцать лет под маркой «Гидрокс» работал один миллион человек. Население города при этом составляло десять миллионов. И все они зависели от прихотей тех, кто сидел во главе Корпорации.

Были и другие концерны, заводы и фабрики, где работали остальные люди, однако, все они были подчинены и монополизированы. Главы Корпорации руководили каждым их действием, так что их можно было назвать лишь дочерними предприятиями. Или как там это вообще называлось.

Средний рабочий имел доход в пять тысяч баллов. Десять литров воды стоили четыреста баллов. Дальнейшие рассуждения о благополучии населения Гидрокса излишни.

Средний рабочий Корпорации зарабатывал три тысячи баллов. Удивительно? Вовсе нет, потому что при этом каждый из них получал по сто литров воды ежемесячно. Воду можно было забирать с собой в канистрах – главное было не попасться по дороге каким-нибудь бомжам или отбракованным. В результате актов грабежа каждый месяц умирали тысячи работников Корпорации. Никаких расследований не проводилось – за стенами в очередях теснились миллионы желавших занять освободившиеся места, а жизнь ценилась настолько низко, что о погибших уже никто не думал.

Существовал особый класс детей. Они отбирались еще в больницах, сразу после родов. Через каждые двадцать лет десять тысяч идеальных младенцев по пятьдесят процентов каждого пола получали возможность жить в стенах Корпорации, получать образование и занимать руководящие должности. А самое главное – пить, сколько захочется и купаться под душем. По крайней мере, их родителям говорили именно это.

Мою маму звали Маль, и она работала в пределах Корпорации только потому, что когда-то ей посчастливилось родить идеальную девочку. Меня зовут Хельга, и я попала в третий класс отмеченных.

Мама работала уборщицей, и ее заработок составлял две с половиной тысячи баллов и сто литров воды. Она жила в городе, и поэтому ей приходилось возить воду тайком – она проносила ее в маленьких бутылках, которые раскладывала под одеждой. К слову сказать, во время работы они пользовались тоже только этой водой – никаких поблажек со стороны начальства не было. Поэтому до дома доезжала только половина всего количества воды, если не меньше. С одной стороны маме было даже проще, что я жила и воспитывалась в стенах Корпорации.

В наш корпус она приходила каждый день – родителям разрешалось проводить с отмеченными по два часа ежедневно. Мама использовала каждую возможность и навещала меня. Я до сих пор помню те часы, которые мы проводили в белой комнате, в которой не было никакой мебели – только одни ковры и большие окна без занавесок. Почему там было так пусто? До сих пор не пойму.

До пяти лет я ни в чем не знала недостатка. Я не страдала от жажды как другие дети и не приучала себя к грязной одежде. Я, как и другие отмеченные из моего класса, жила в хороших условиях, и так могло бы продолжаться еще очень долго, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что мы регулярно проходили тесты. Первый назначался в три года. После этого отсеивалась четвертая часть детей. Второй проводился еще через год – нам было по четыре. По завершении тестирования оставалась лишь половина от первоначального числа отмеченных. Последний тест – в пятилетнем возрасте – оставлял в стенах Корпорации четвертую часть детей. В эту последнюю часть я попасть не смогла.

Маму понизили до чистки туалетов, а я отправилась домой. Наша общая норма составила пятьдесят литров воды – из ее заработной платы вычитали то, что как считалось, было пере-

ведено напрасно за те годы, которые я прожила без пользы, растрачивая бюджетные средства. Ее оклад снизился до двух тысяч баллов.

Женщина, у которой отняли почти все, стала опасной и непредсказуемой. Впрочем, это только то, что известно мне. На самом деле, я уверена в том, что мама могла бы рассказать куда больше.

Женщина без надежды

Девушка была смуглой и низкой, но при этом очень красивой. Ее кожа даже на вид внушала доверие. Не пергаментная хрупкость, а настоящая упругая и эластичная биологическая ткань. Та самая, которая не лопается от первого удара – ее можно было бы вдоволь отхлестать, пока она начала бы исходить кровью. Никон наблюдал за ней постоянно. Ему нравилось даже просто смотреть на то, как она двигается. Серая роба уборщицы ее не уродовала. По крайней мере, он не замечал в ней недостатков.

Надо же, как же это возможно? Это настоящая плоть. Настоящая, живая, красивая и теплая плоть, которая так крепко пришта к костям. Даже кости, судя по всему, были основательными. Затянуть в веревки такие запястья – уже радость. Густые черные волосы можно было бы убрать в узел или просто оставить. Нет, возможно, они закроют лицо, а такие изящные черты прятать нехорошо. Но и отказываться от блестящих волос было бы непростительным расточительством. Ее лучше вообще сечь с двух сторон. Вначале с лица. Потом со спины. Он даже облизнулся. Девушка определенно заслуживала внимания.

Корпорация была огромной. Маль не знала всех ее пределов, хотя иногда в ней просыпалось любопытство касательно реальных размеров и масштабов места, где она работала. Она могла лишь предполагать, насколько велик был комплекс зданий, цехов и соединительных тоннелей, однако настоящую картину охватить не мог никто. Разве что только с большой высоты, но летательные аппараты вышли из употребления уже очень давно. Впрочем, даже при таком положении вещей один миллион сотрудников с большим трудом умещался на этой обнесенной высокой оградой территории. Маль обслуживала несколько цехов и один тоннель, выходивший в столовую. С недавних пор ко всему этому прибавились еще и туалеты – пятьдесят зловонных кабинок.

Отмываться приходилось отравленной водой. Для этого существовали специальные маски, закрывавшие нижнюю часть лица. От масок тянулись пластиковые трубочки, выходившие наружу, за стену кабинки. Конечно, вода затекала и внутрь, но без маски ее было намного больше, а дышать становилось слишком тяжело. После того, как вся грязь отмывалась и засасывалась в трубу, Маль осторожно отвинчивала краник с чистой водой. Выливать на себя полагалось не больше одного литра. Если удавалось сделать очень тонкую струйку, то этого хватало, чтобы очистить волосы и почти все тело.

Обычно она справлялась за десять минут, а потом освобождала душевую и, пройдя по путаным коридорам, покидала здание. С прошлой недели у нее появилась причина, чтобы торопиться домой – там ее дожидалась маленькая Хельга. Каждый раз, возвращаясь домой, Маль боялась найти свою дочь мертвой. Приучить ребенка к тому, что большая часть воды непригодна для питья, оказалось очень сложно. Хельга привыкла жить там, где вода лилась рекой. Она не знала отказа ни в одном из своих капризов, и теперь ей было сложно привыкнуть к постоянному одиночеству и куче ограничений. Для безопасности Маль завязала почти все краники и закрыла окна, но внутри нее всегда скреблись сомнения. Вдруг Хельга все-таки решила поиграть водой из крана? А что если она опрокинула банку с дневной порцией воды, и потом из-за жажды рискнула выпить водопроводной отравы?

Маль резко завернула кран и вышла из кабинки. На мокрое тело одежда натягивалась с большим трудом, и дело осложнялось спешкой. Ей хотелось поскорее вернуться домой, и поэтому, когда в коридоре ее остановил начальник, она даже опешила и не сразу поняла, чего от нее хотят.

Впрочем, такое понять было бы нелегко в любом случае.

– Как привыкаешь к новому окладу? – улыбаясь, спросил он.

– Сложно, но терпимо, – честно ответила она.

– С ребенком это непросто. Что сделаешь с ней?

Вопрос показался ей странным. Что она могла сделать со своей девочкой? Она хотела вырастить ее так же, как это делали другие любящие матери – постараться заработать денег и отправить в школу. Если сумеет дать ей пять классов, этого будет довольно. Дальше этого она еще не загадывала.

– На будущий год в школу.

– Да будет ли эта школа? Разве ты сможешь откладывать?

С чего бы ему этим интересоваться? Возражать было не принято, и Маль удержалась даже от недовольного взгляда, спрятав его под ресницами. Она ждала, когда он ее отпустит.

Никон положил руку на ее плечо, и она едва смогла заставить себя не убежать сразу же.

– Я мог бы тебе с этим помочь. Я мог бы решить твои проблемы.

– Ваша супруга вряд ли будет этому рада.

– Моя супруга не удовлетворяет некоторые из моих интересов. Ты же знаешь, они у меня весьма специфические.

О пристрастиях Никона знали почти все, но вслух об этом говорить боялись. Слишком уж страшно сплетничать о начальстве, когда зависишь от него со всеми потрохами.

– Простите, я тоже вряд ли смогу вам помочь, – все еще глядя строго вниз, на носки своих туфель, твердо сказала она.

– Подумай хорошо. Я знаю, тебе нелегко принять решение.

Он отпустил ее, не приняв при этом высказанного отказа. Навязал ей раздумья, о которых она и не помышляла. Превращаться в отбивную? Нет уж. Калечные и больные слоняются по улицам и выпаривают чужую мочу, потому что у них нет денег на воду. Нет, к ним она не присоединится.

Маль была знакома с девушкой, прошедшей через порку Никона. На теле той девушки на всю жизнь остались шрамы. Поначалу порезы и рваные раны сочлились и постоянно раскрывались при работе, а потом началось заражение. Маль сама собственными руками дважды ловила ее перед краном с отравленной водой, спасала от суицида и советовала просто уволиться. Настал и ее черед.

Она вернулась домой, почти сбив ноги об ступеньки – поскользнулась на последнем пролете. Хельга встретила ее разочарованным визгом и обиженными всхлипами.

– Мапочка задержалась, – расцеловывая ее щеки и испытывая невероятное облегчение, шептала Маль. – Мапочка просто задержалась. В следующий раз мапочка постарается прийти вовремя.

Хельга обняла ее очень крепко и задрожала всем телом.

– Я одна, всегда одна, – жаловалась она. – Страшно. Темно. Я очень голодная.

Уже после того, как дочь уснула, Маль уселась за стол и стала подсчитывать расходы. Работа в Корпорации больше не была выгодной – она скорее стала убыточной. Две тысячи баллов и всего пятьдесят литров воды. Если устроиться на обычную работу будет вдвое больше баллов. Две тысячи из них можно потратить на те же пятьдесят литров, и остаток составит три тысячи. И не придется терпеть домогательства.

Она не стала ждать, когда Никон перейдет от слов к делу, а от предложений к запугиваниям. Она просто уволилась.

Найти работу ей удалось не сразу – на первый взгляд все хоть сколько-то пригодные места уже были забиты. Но она уверяла, что может мыть полы или заниматься другими непрестижными делами, и вскоре ей позволили работать в одной из общественных кухонь. Такие встречались на каждой улице. Здесь всегда подавали одно и то же. Кто-то ел прямо здесь, кто-то предпочитал забирать еду с собой. Еда была не такой дорогой, как вода. Паровое орошение

помогало выращивать чистые овощи, которые шли в пищу. Маль не понимала, почему нельзя поставить такие же паровые установки для сбора чистой воды. Нельзя было в прямом смысле – за такое могли и вовсе выгнать из города. Изгнанных было не очень много, потому что установленный порядок не привыкли нарушать.

Наверное, она отвыкла от работы за пределами Корпорации. Конечно, еще до того, как родить Хельгу, она нанималась уборщицей или продавщицей, но тот опыт уже успел изгладиться из ее памяти. Теперь все казалось в новинку, а от того краски были слишком уж темными и мрачными.

График был стандартным – двенадцать часов, с шести утра и до шести вечера. Перерыв при такой работе не предполагался. Есть приходилось урывками, когда высвобождались свободные минуты. Маль занималась посудой, уборкой помещения столовой и следила за разумным расходом воды.

Поначалу она не замечала ничего вокруг. Первая неделя прошла как в угаре – она работала почти бессознательно, потерявшись между стопками из пластиковых чашек и тарелок. Ей было безразлично все, происходившее вокруг. Она не заводила новых знакомств и ни с кем не разговаривала. Все ее мысли крутились вокруг Хельги, но когда она возвращалась домой, на дочь не оставалось ни сил, ни времени.

Через несколько дней Маль стала привыкать. Влиться в новую жизнь было нелегко, но запоминая алгоритм работ, закономерности и повседневные мелочи, освоившись на рабочем месте и выработав привычку прятать еду в карманах, отламывать небольшие кусочки в перерывах и жевать целый день свою небольшую порцию, она поняла, что все не настолько и страшно. Думать при таком раскладе получалось лучше.

Еще позже она начала замечать мелочи, которые рассказывали о жизни гораздо больше, чем она могла предположить. Вода превратилась в средство спекуляции. Ее постоянно не хватало, и люди выкручивались, как могли – к примеру, собирали дождевую воду в те редкие и счастливые дни, когда небо радовало осадками. Однако они по каким-то причинам еще и продавали ее. Откуда им удавалось брать лишнюю воду?

Узнавать ответы на интересовавшие ее вопросы Маль не умела – она мало разговаривала с коллегами и никогда не общалась с посетителями. Однако горячее любопытство подтолкнуло ее к длительным наблюдениям, и вскоре она стала получать страшные результаты своих изысканий. Вода, которую продавали спекулянтам, была тем богатством, что успевали награть преступники, подстерегавшие работниц, покидавших каждый вечер пределы Корпорации. За пять лет работы она успела повидать и выслушать немало историй. Не раз и не два она прощалась с бывшими знакомыми, которых убивали в транспорте или просто на тротуарах и в темных переулках. Теперь Маль оказалась по другую сторону стены, и правда открылась во всей своей отвратительной красе.

Самым страшным было еще и то, что в число преступников входили женщины. Те, кто не смог получить работу или по каким-то причинам выпал из обоймы. Они убивали, калечили и избивали за несколько литров воды, а потом несли награбленное домой, где делили добычу на небольшие порции, распределяли между родными, а излишки (смешное в таких обстоятельствах слово) продавали знакомым спекулянтам. Узнать все это было несложно – одной из точек незаконной торговли водой являлся задний двор кухни. И это было еще не все.

Вскоре она узнала о том, что существовали еще и другие женщины. Они также оказались никому не нужными и брошенными на произвол судьбы, но им, как и всем, была нужна вода. И они шли на самые изощренные унижения. Им платили деньгами или водой, но чаще всего просто обманывали. В городе процветала проституция в самых своих омерзительных личинах, и никому не было до этого дела. Маль давила в себе рвотные позывы и старалась адаптироваться к миру, от которого успела отвыкнуть за пять лет работы в Корпорации.

А ведь она действительно прожила те годы как в раю. Ей не приходилось переживать за Хельгу, воды было вдоволь, и она позволяла себе покупать некоторые вещи. В ее доме была кровать – неслыханная роскошь. Она не задумывалась о том, как живут остальные. Как живут те, кому не повезло устроиться в Корпорацию или родить идеального ребенка. Теперь все это предстояло освоить на своей шкуре, и Маль каждый день делала страшные открытия, укладывая это в свой разум, но, не имея возможности заставить свое сердце принять обнаженную реальность.

Все казалось темным, никчемным и беспросветным. Она видела опустившихся женщин, которые могли бы высмеять ее, если бы она рассказала им о том, что отказалась выдержать порку и ушла из-за этого с работы в Корпорации. Для них этот поступок был бы лишь блажью. В лучшем случае.

Даже во время работы в стенах Корпорации Маль не отличалась особой коммуникабельностью, однако Син не заметить было невозможно. Син отличалась повышенной активностью и жизнелюбием. Она была не слишком шумной, но зато очень много говорила, чем привлекала или наоборот, отталкивала других людей. Маль и Син работали в соседних ветках и иногда пересекались в душе или в коридорах. Преимущество в пять лет давало Маль право игнорировать болтливую девушку, но искренняя доброта Син была способна смягчить любые, даже самые твердые души. Со стороны казалось, что эта рыжеволосая и веснушчатая особа просто не способна унывать. В Гидроксе таких людей было очень мало. Возможно, Син вообще была единственной в своем роде.

Поэтому, встретив ее за мусорными баками на заднем дворе, Маль очень удивилась. Зачем этой солнечной девочке понадобилось продавать воду?

– Что ты здесь делаешь? – наплевав на осторожность, довольно громко спросила Маль. – Ты знаешь, что это за место? Знаешь, что за люди приходят сюда?

Син пожала плечами:

– Если бы не знала, то никогда бы не пришла.

Маль остановилась, спрятав руки под фартук и хмуро глядя на нее.

– Эти мужчины могут тебя обмануть, ты в курсе?

– Я уже договорилась с одним из них. Все наши девочки продают только ему.

Так у них уже налаженная связь. И почему она узнала об этом только после того, как уволиться?

– Интересно. И кто же это? Я знаю всех их по именам, они постоянно крутятся неподалеку.

– Это Фиц.

– Фиц? Совсем молодой парнишка. И дорого берет?

Син вздохнула:

– Триста пятьдесят за десять литров.

– Сколько у тебя?

– Пять.

Маль бросила взгляд на канистру. Она явно вмещала в два раза больше, но, судя по всему, была заполнена наполовину.

– Как ты вынесла столько воды зараз? – удивилась она.

– Это было тяжело, но нет ничего невозможного, если очень хочется, – уже значительно приободрившись, улыбнулась Син. – К тому же, получу я все равно сто семьдесят пять. Это не очень много.

– На это можно прожить какое-то время.

Син кивнула, а потом вдруг выпрямилась и очень серьезно сказала:

– Ты, вроде не очень болтливая... как думаешь, почему еда дешевле воды? Из старых учебников, оставшихся еще от моей прабабушки, я знаю, что для получения любой еды нужна вода. Рыбы, которые адаптировались к ядовитым водам, непригодны для пищи. То же самое мы знаем о водорослях и сухих растениях. Но откуда столько еды?

– Паровое орошение.

– Паровое, как же, – Син даже ухмыльнулась, а потом закусил до белизны свою губу. – Ты уже не работаешь в Корпорации... к тому же, ни с кем не общаешься... и у тебя есть дочь, тебе есть что терять.

– К чему это ты?

– К чему? Дай-ка подумать... просто мне до ужаса хочется кому-то это сказать, но я не могу найти подходящего человека. А когда я не могу сказать то, что обжигает мне гортань, я просто с ума начинаю сходить. Так что вот, Маль, я пробовала выпаривать воду из обычных кранов. И даже ту самую, которой мы моем пол. И знаешь, что?

– Что?

– Ничего. Она все равно ядовитая.

– Как ты узнала?

– Напоила соседскую кошку.

– Что?

Син засмеялась:

– На самом деле я напоила мышь. Обычную серую. Я читала, что в прошлом, когда мир был здоров и воды было сколько угодно, ученые ставили эксперименты на белых мышках, но у меня такой красоты под рукой, увы, не оказалось.

– Может, они выпаривают иначе?

– Ну, конечно. Они все делают иначе. Только пар он и есть пар. И этот яд испаряется вместе с водой. Думаешь, почему я продаю воду? Мне хватило мозгов не рожать детей, уж прости, что я так говорю, просто это правда. Ты знаешь, сколько мы живем?

– Кто мы? – уже начиная уставать от такого количества слов, уточнила Маль.

Син понимающе посмотрела на нее, и на ее лице появилась даже снисходительная улыбка. Потом она облизнула губы и заговорила:

– Уборщицы Корпорации. Даже те, кто работал там всего год. Мы дышим испарениями ядовитой воды каждый день и целый день. Мы умираем в тридцать пять, а иногда и раньше. Тебе еще пять лет, дорогая, наслаждайся. А сейчас тебя, наверное, ждут, и я не буду тебя больше задерживать.

Маль оглянулась на заднюю дверь, проверяя не зовет ли ее кто-нибудь, а в голове ее мелькали стремительные цифры и картинки. Пять лет. Хельге пять. Если повезет, то она успеет отметить десять лет, когда сама Маль умрет от общего отравления. Она знала, что это за смерть – одна из картинок, извлеченных ее разумом, была как раз об этом. Ссохшееся серое тело, пожелтевшие белки глаз, белые губы, выпавшие волосы. Она работала пять лет, значит, она обречена. Другая картинка – девушка, выходящая из кабинета владельца кухни. Еще совсем молодая, по возрасту скорее ребенок, а не девушка, но в ее руках была бутылка с водой. Значит, она оказывала ему «услугу», за которую и получила эту жалкую плату. Сколько ей? Маль прикрыла глаза, пытаясь вспомнить образ девушки точнее. Ей примерно семнадцать. Может даже меньше. Ее лицо было испачкано в крови. Разве такое будущее она желает своей дочери? Хельга останется одна в десять лет.

Она побрела к двери, пока ее не хватились – терять источник дохода прямо сейчас было бы слишком глупо. Пока она относительно здорова, она должна работать.

– Если ты хочешь поговорить, то я приду сюда вечером. В семь часов, – прокричала за ее спиной Син.

Маль обернулась.

– Ты меня пожалела? – спросила она. – Я так жалко выгляжу?

Син коротко и не слишком уверенно кивнула:

– Вроде того. Я не хотела так тебя бить по голове, просто само вырвалось. Ты меня осуждала, и я... я такая дрянь.

– Нет, что ты. Приходи в семью, если сможешь.

До семи часов была еще пропасть времени. Вероятно, Син вырвалась среди дня, воспользовавшись пустым часом – иногда у уборщиц было немного свободного времени, когда в цехах велись усиленные работы. Маль работала, не переставая думать о том, что сказала Син. На кого она оставит дочь? В мире, где каждый только сам за себя, маленькая девочка быстро пропадет. И хорошо бы, если быстро... но кто окажет такую милость? Неужели она оставит Хельгу побираться? Хотя, даже если малышке каким-то образом удастся выжить, какая у нее будет жизнь? Такая же, как у нее? В лучшем случае, как у нее, но даже так она станет лишь расходным материалом.

Их используют. Всех. Маль вдруг осознала это очень четко и горько. Каждый из них являлся просто единицей сырья, предназначенного для чего-то, о чем это самое сырье знать не должно.

Что за жизнь уготована Хельге? Стать проституткой? Стать уборщицей? Стать спекулянтом? Кем станет ее ребенок? Что за жизнь у всех этих людей? Да и разве можно назвать это жизнью... Каждый человек был для чего-то нужен, но потом, после того, как он отдавал все нужное и полезное, его просто выбрасывали на свалку. От этих мыслей стало дурно. Она едва дотянула до конца дня, и под конец смены у нее даже не осталось никакого желания говорить с Син. Хотелось только уйти домой, лечь в одну постель с дочерью, прижать к себе родного человечка и постараться хотя бы этот вечер освободить от грязных мыслей.

Но Син ждала ее в назначенный час – умытая, освеженная и уже повеселевшая.

– Куда пойдем? – беззаботно спросила она.

Словно бы дневного разговора и не было. Маль подумала, а потом предложила:

– Ко мне домой. У меня дочь, но она нам не мешает. К тому же, она целый день сидит взаперти, ей будет приятно увидеть кого-то кроме меня.

– Ладно. Но наши разговоры не для ее ушей.

Маль вздохнула:

– Тебя кто-то ждет дома?

– Нет.

– Оставайся сегодня у меня на ночь. Когда Хельга заснет, мы сможем поговорить.

Хельга вопреки ожиданиям госте не обрадовалась. Она сидела в своем углу и настороженно смотрела оттуда на «эту красную тетеньку». Маль потратила немало сил, чтобы успокоить, накормить и уложить дочь в кроватку. Пришлось отказаться от перспективы поболтать с ней перед сном, и это было обидно. Она привыкла к этим спокойным минутам, что они проводили каждый вечер, прежде чем уснуть. Это были бесценные моменты, когда Маль и Хельга сочиняли сами себе сказки, играли в незамысловатые игры и развлекались загадками. Сегодня вечером об этом пришлось забыть.

Син ждала ее на крохотной кухоньке, сидя у открытого окна и глядя на город. Зрелище было даже завораживающим, но теперь, когда Маль знала, что творится среди этих желтых огоньков, она уже не находила в них ничего привлекательного.

– Ты должна копить деньги, – не оглядываясь на нее, вдруг заговорила Син, после чего закрыла окно и повернула ручку.

– Я не могу.

– Найди способ. Если бы ты осталась, то наверняка смогла бы откладывать воду и продавать ее спекулянтам вроде Фица. Он покупает только у работников Корпорации. Не имеет дело с грабителями.

– Надо же, какое благородство.

– Благородство уже стало ненужным и бесполезным, – устало заметила Син. – Он просто предпочитает общаться с теми, кто спокоен и честен. Я нашла его через другую девушку. Мы должны копить деньги. Когда нас вышвырнут вон и оставят доживать последние дни, я не хочу стать грабительницей или проституткой. Да и сама знаешь, кому нужны больные женщины. Когда выпадут все волосы, никто уже не захочет покупать мои услуги.

Син говорила прямо и жестоко – резала по живому, не испытывая ни капли жалости к своей слушательнице.

– Я не могла остаться, – пожала плечами Маль и села рядом с ней. – Никон предложил мне развлечь его одним вечером.

Син подняла ресницы, застыла на мгновение, а потом повернулась к ней.

– Никон заинтересовался тобой?

– Да. Что было делать? Мое тело мне еще пригодится.

– Плохо дело...

– Ты ведь ничего не знала, и тебе было легко меня судить, – продолжила Маль. – Но, как видишь, либо так, либо эдак. Все равно из нас делают мусор. Мы никому не нужны, понимаешь? Ты видела тех, кто продает себя на целую ночь всего за десять литров воды? Ты представить не можешь, что с ними делают. По сравнению с этим извращения Никона уже не кажутся такими страшными. Я уже успела насмотреться за этот месяц. Через полгода привыкну. А через пять лет уже умирать. Что за жизнь?

– Такая же, как у всех. А насчет того, что я не знала... ты права. Ты права, мы вообще многого не знаем. Мы не знаем, откуда берется еда. Не знаем, где они берут воду, которую продают нам за такие баснословные деньги. Куда они девают эти чертовы деньги. Как им удалось выжить? Они были такими независимыми и они купили нас за воду. Обещали спасти наши жизни, но поступили точно наоборот. Они гробят нас за эту воду, и мы говорим им за это спасибо. Мы не мыслим без них жизни. Мы жалкие и беспомощные.

– О ком ты сейчас говоришь? – спросила Маль, уже теряя нить рассуждений.

– О нас и о тех, кто стоит во главе Корпорации. Я не знаю, сколько их. Не знаю их имен. Ты сама что-нибудь о них слышала?

– Куда уж мне...

– И я о том же. Никто ни о чем не задумывается. Они ослепили нас жаждой, подчинили себе, и никто уже не находит сил думать о большом, когда вся голова занята маленьким.

Маль немного помолчала, переваривая эти слова. Син была во всем права, но она не могла прийти к таким выводам самостоятельно. Она явно от кого-то набралась таких идей.

– В городе есть повстанческое движение? – наугад спросила она, рассчитывая, что Син попадется.

– Какое повстанческое движение? Эти слова из нашего славного прошлого, умершего вместе с нормальной водой и нашими прабабушками.

– Но кто-то же должен думать так же, как и ты.

Син горько рассмеялась:

– Нет. Может, только Фиц.

– Спекулянтишка? И что, он покупает у вас воду и раздает ее бедным? Куда он ее отправляет? Продает втридорога другим или просто работает на кого-то покрупнее. Все мы на поводках, Син.

– Может, и так. Но как можно жить, не думая ни о чем? Как ты сама можешь быть такой бездумной? Я считаю, что твоей дочери повезло не пройти последний тест. Мы проработали бок о бок три года, и я думаю, что ты хорошая девушка. Не сплетница, не доносица. Словом, нормальная, но при этом идиотка.

– Я идиотка? – Маль расхохоталась, прикрыв рот рукой.

– Да, – просто подтвердила Син. – Ты не думала о том, что твоя дочь могла бы пропасть и никогда не вернуться? Что делают с такими, как она? Что будет с теми, кто пройдет до конца?

– Они не будут жить в этом дерьме.

– Да ну? – Син расправила плечи и потерла шею, словно пытаясь сосредоточиться. – Твоя Хельга была в третьем классе. До нее было еще два. Двадцать пять и сорок пять лет назад. Каждый по две с половиной тысячи отмеченных. И где же они?

– Стали теми самыми «ими», которых ты так ненавидишь.

– Неужто их так много? Почему из пяти тысяч человек еще никто никого не видел? И куда делись их дети? Они ведь тоже должны были как-то размножаться. По меньшей мере, их должно быть семь или восемь тысяч. Где они? Кто их видел?

– Никто их никогда не видел, – признала Маль, начиная злиться от того, что Син говорила правду, на которую было нечего ответить.

– То-то и оно. Те, кто стоит во главе города и Корпорации, используют их для каких-то своих нужд.

Маль потерла лоб и опустила голову.

– Слишком много вопросов и предположений за один вечер. Пожалей меня, я ведь получаю все это разом, а не постепенно, как ты. Меня уже подташнивает.

– Ладно. Да и есть ли смысл от таких разговоров? Пустое. Ничего не изменится. Нам завязали не только руки, но еще и глаза.

После той ночи Маль надолго ушла в раздумья. Ее волновала судьба дочери, поскольку с ее собственной жизнью, очевидно, все было уже решено.

С тех пор она стала иначе смотреть на все, происходившее вокруг. Замечая в столовой избитую женщину, она ощущала как в ней растет отвращение к тем, кого Син называла «они». Голодные грязные дети, потерявшие человеческий облик мужчины – несчастные люди окружали ее повсюду. Город кишел теми, кого было уже не спасти. Искалеченными были все – если не телом, то душой. И на месте каждого из них могла бы оказаться Хельга. А все потому, что никто просто ни о чем не думал и не желал задумываться. Почему люди жили одним днем, не помышляя о будущем? Почему продолжали рожать детей, несмотря на то, что сами были почти нищими и никому не нужными?

Она сжимала зубы так, что начинало ломить виски, и усилием воли останавливала эти кислотные мысли, но стоило ей выйти на задний двор, чтобы выбросить мусор, как ее взгляд падал на кого-нибудь из спекулянтов. Иногда она видела тех, кто приносил им воду. Почти все они были теми, кто грабил и убивал таких же, как она – простых работниц Корпорации. На мужчин нападали реже, но они почти всегда отказывались отдавать свою воду, и поэтому их чаще убивали. Люди не только не хотели жить лучше – они поедали друг друга, отнимая жизни и усугубляя свое положение. Этот кошмар не имел ни конца, ни начала.

К чему придет такой мир? Ответ был ясен.

Внутри нее постепенно просыпался зуд, который не давал спокойно спать по ночам. Отвратительные картинки то и дело всплывали перед глазами, и Маль отчаянно боролась с этими демонами, понимая, что эту схватку ей уж точно никогда не выиграть. Она старалась изо всех сил, но Син посеяла в ее душе зерна сомнений и отчаяния. Этот жар разгорался все сильнее, и вскоре она поняла, что если не начнет действовать, то просто умрет или сойдет с ума.

Через неделю, воспользовавшись десятиминутным перерывом, она вышла на задний двор, желая поговорить с Фицем. Он сидел прямо за одним из мусорных баков, ожидая очередную партию воды.

– Ты Фиц? – остановившись напротив него, спросила она.

– Ты прекрасно знаешь, что я Фиц, – улыбнулся белобрысый мальчик, который был младше нее лет на десять.

– Сколько дашь за десять литров?

– У тебя нет воды.

– У меня есть вода.

Это было правдой – Маль откладывала деньги, и этим утром купила дополнительную канистру специально на такой случай.

– Ты купила ее за четыреста? И продашь за триста пятьдесят, ну конечно. Чего ты хочешь?

– Хочу узнать, куда ты деваешь воду.

– Женщины не становятся спекулянтами, это слишком опасно. Ты не сможешь носить такие тяжести, и у тебя нет места, чтобы прятать воду.

– Я и не хочу становиться одной из вас. Я спрашиваю о том, куда ты сбываешь воду.

– Выпиваю сам.

Зеленые глаза откровенно издевались над ней, и Маль разозлилась. Ее короткий перерыв стремительно таял, а к нему с минуты на минуту должен был прийти какой-нибудь «поставщик», и она решила не терять времени даром. Она подняла крышку бака и грохнула ее обратно с такой силой, что вибрация и гул заставили Фица втянуть голову в плечи.

– Я сверну тебе шею, если ты не скажешь, куда деваешь воду, – наклонившись к нему почти вплотную, зашептала она.

– Ты мне свернешь шею? Будь вежливее с тем, к кому приходишь с просьбой.

– Просьбой? – она неприятно оскалилась. – Просьбой, подумать только. Я сдам тебя куда нужно, и ты станешь вне закона. Знаешь, что с тобой будет?

– У нас договор с владельцем кухни.

– Он не расстроится. Ты заплатил ему за месяц вперед, чего ему волноваться.

Он откинулся назад и прислонился спиной к грязной кирпичной стене. Маль знала, что на него можно надавить. Он был самым молодым и неопытным, к тому же, боялся вступать в контакт с грабителями. Это уже многое о нем говорило.

– Остальные убьют тебя за то, что ты сделала со мной.

Маль наклонилась еще ниже:

– Всем плевать. Всем на всех плевать, Фиц. Ты еще не понял? Никому ни до кого нет никакого дела. Каждый только за себя.

– Хватит повторять одно и то же, я понял. Тебе прямо сейчас сказать?

– А что, тебе придется так много говорить и объяснять? Там такая сложная система?

Фиц покачал головой:

– Нет никакой системы, хорошая моя. У меня нет.

– А у кого-то есть?

– Может, и есть. Я не знаю. Я с ними не общаюсь.

– Да ты трус, – понимающе закивала она. – Понятно.

– Что тебе понятно? У тебя есть дом и работа. А если ничего не будет, ты все равно достаточно красива, чтобы продаваться за большую цену. Откуда тебе знать, как я живу?

– Расскажи мне.

– Не буду я тебе ничего рассказывать.

– А мне кажется, ты хочешь поделиться. Иначе с чего бы тебе жалобить меня рассказами о своей несчастной жизни?

– Да что ты знаешь обо мне?

– Ты бросил мне в лицо, что у меня есть дом и работа. Следовательно, у тебя ничего этого нет. Я права?

Постоянные терзания ожесточили и озлобили ее. Маль не осторожничала, поскольку продумала заранее каждое свое слово и действие, она слишком сильно хотела получить хоть какой-то результат, чтобы от чего-то оттолкнуться для дальнейших поисков. Да, все они брошены и

почти утоплены в этой грязи. Но если не барахтаться, то можно пойти ко дну окончательно. У нее дочь, она не имеет права тонуть и умирать, так и не сделав попытки выплыть и выжить.

К тому же, Фиц был инакомыслящим, если уж он позволял себе рассуждать и задавать вопросы, о которых говорила Син.

– Пошла ты, – почти беззлобно прошептал он. – Зачем тебе все знать?

– У меня есть дочь. Когда я умру, а это будет скоро, она останется одна. Я виновата перед ней – родила, не подумав о том, как и где она будет жить. Мне не хватило ума не рожать в этом мире. Я должна сделать для нее хоть что-то.

– Ты начала не с того конца.

– Хотя с чего-то нужно начать. Никто не сможет найти верный конец вслепую, и я решила вклиниться посередине. У меня действительно мало времени. Пять лет – максимум, на что я могу рассчитывать. Могу ли я позволить себе расслабляться и ждать чего-то?

Фиц кивал, давая понять, что ее слова доходят до него. Когда она замолчала, он подождал еще немного, а потом оттолкнулся от стены и поднялся на ноги. Маль тоже выпрямилась.

– Такие, как ты почти вымерли, – сказал он. – Я могу кое-что тебе рассказать, но черт его знает, что со всем этим можно сделать. И не надо было бросаться на меня как оголодавшая крыса, можно было сразу все объяснить по-человечески.

Маль отвернулась и поправила затянутые в узел волосы.

– Кто сейчас что-то делает по-человечески? – спросила она, не особо рассчитывая на ответ.

Фиц дернул плечом и качнул головой.

– Ко мне пришли, – сообщил он, глядя в пролом, специально выдолбленный в стене забора для «поставщиков».

– Удачи, – уже уходя, пожелала ему Маль.

Фиц, как и Син просто не знал, с кем поговорить. Когда они все-таки встретились еще раз, он просто молчал, задумчиво разглядывал ее и временами морщил лоб.

– Покажи мне свою дочь, – через некоторое время попросил он. – Вживую, а не дурацкое фото в медальоне. Покажи мне ребенка.

– А не много ли ты хочешь? – ошетичилась Маль.

– Много ли? Интересно. Ты хочешь от меня даже больше, разве не так? Ты хочешь намного больше. Если я открою тебе все свои пути и связи, то рискую потерять источник дохода, а это сама понимаешь, все равно, что лечь под колеса водовоза и расслабиться. Ты сама заговорила о дочери, чтобы я тебе поверил. Покажи мне, что ты не лгала, и я поделюсь с тобой тем, что тебе так нужно.

Его доводы были разумными и понятными, но показывать кому бы то ни было своего ребенка Маль не хотела.

– Как я ее тебе покажу? Она всегда сидит дома, и я ее никуда не выпускаю.

– Она болеет?

– Нет, но она еще не приспособлена к жизни вне дома. До пяти лет она была отмеченной. Как только прозвучало последнее слово, Фиц напрягся и заметно оживился.

– Ты работала в Корпорации?

– Да. Хельга не прошла третий тест – выявили какие-то отклонения.

– А что за отклонения? Тебе сказали?

Маль покачала головой:

– Никому ничего не говорят.

Фиц кивнул. Кажется, услышанное его удовлетворило.

– Как обычно. Со сколькими бы я ни говорил, все рассказывают одно и то же.

– И много родителей с отсеянными детьми ты повидал? – Маль тоже зажглась интересом.

Фиц пожевал нижнюю губу, помялся, а потом взял ее под локоть и кивнул вперед:

– Пошли, поговорим там, где будет нормально.

– Я не могу очень долго задерживаться, меня дочь ждет.

– Придется выбирать. Ты ведь ради нее стараешься, нет?

Он все еще не отпускал ее руку, и Маль чувствовала себя неудобно.

– Ради нее, – согласилась она.

В городе не было парков. Не было скверов и мест, где можно было бы посидеть и поговорить. Однако Фиц очень хорошо ориентировался в сложном переплетении улиц и трасс, проходивших под всеми возможными углами прямо над головой. Дефицит места был еще одним бичом Гидрокса, но об этом тоже предпочитали не думать. В таком муравейнике, заставленном небоскребами и перетянутом дорогами, было нелегко найти свободное глухое место, но Фиц знал все, что ему было нужно. Он крепко держал ее за руку и вел вперед сквозь дворы и через транспортные линии, петляя и поворачивая.

– Я не смогу вернуться, с первого раза плохо запоминаю дорогу, – предупредила его Маль.

– Я верну тебя к кухне, а оттуда сама доберешься до дома.

– Уже темно.

– Придется рискнуть.

Он привел ее в темный двор, зажатый между двумя высотными домами, ослабившимися в темноте желтизной голых ободранных окон. Здесь, в самом углу, где стена одного из домов примыкала к бетонному забору, была дверца, которую вряд удалось бы приметить, не зная о ней заранее. Он открыл ее своим ключом и провел ее внутрь. За дверью открылось небольшое чисто выбеленное помещение.

– Ты здесь живешь?

– Нет. Я храню здесь воду.

– Серьезно? Рядом с жилым домом, где, по меньшей мере, две сотни жаждущих и голодных?

– Не прямо здесь. В полу есть лаз, откуда можно выйти кой-куда.

– Далеко же ты прячешься.

– Сама сказала, сколько людей может украсть у меня воду, за которую я плачу свои деньги.

Она ухмыльнулась:

– Прямо-таки свои.

Он пропустил ее насмешку мимо ушей и привалился спиной к одной из стен.

– Давай вываливай, что у тебя там, – поковыряв в ухе, вздохнул он.

Маль заложила руки за спину и тоже прислонилась к другой стене. Опустив голову и упершись взглядом в пол, она заговорила, стараясь выбирать правильные и точные слова:

– Если бы не Хельга, меня ни за что не взяли бы работать в Корпорацию. У меня нет профессии, а родители не были мастерами или ремесленниками. Поэтому, когда моя дочь прошла первый отбор, будучи еще новорожденной, меня приняли только уборщицей. Не мне тебе рассказывать, сколько живут такие женщины.

Фиц присвистнул:

– Так вот как... И долго работала?

– Все пять лет, пока ее не отсеяли. Я знала, что мы умираем очень рано, но никогда ни с кем не говорила на эту тему. А недавно встретила Син – ты ее тоже знаешь – и она сказала точное число. Мне тридцать лет, понимаешь? Если повезет, проживу еще пять. Моей дочери пять. Простая арифметика, даже любой идиот подсчитает мои до крайности невыгодные цифры. И что за перспективы с такими делами у моей дочери?

– Это я уже понял. Что еще? Почему ты пристала именно ко мне? Если бы на моем месте был кто-то другой, то тебя могли бы закопать прямо за дверью кухни и прикрыть могилу мусорным баком. Никто не стал бы тебя искать.

– Я знаю. Но разве есть выбор у женщины, дочь которой рискует остаться на улице и умереть от голода или нищеты? Или еще хуже, попасть к каким-нибудь садистам. Если я сдохну сейчас, то она останется одна и произойдет то же самое. Невелика разница. Но если я не начну шевелиться, то она точно потеряет все шансы на сколько-нибудь сносную жизнь. Пока у меня есть время, я буду рисковать и искать пути для того чтобы дать ей хоть что-то.

– Накопишь денег? Их отнимут, едва ты сделаешь последний вздох.

– Знаю. Но я много думала после встречи с Син. Я знаю, как живут простые работницы, такие как я. Я знаю, что происходит с проститутками, да и есть ли такие, кому это неизвестно. О ком бы я ни думала, все влачат жалкое существование и терпят унижения. Выбор здесь невелик, но единственные, о ком я ничего не знаю, это спекулянты. Я заметила, что вы почти всегда хорошо одеты и у вас не бывает потрескавшейся кожи. Вы находите способы жить более или менее достойно. И я хочу знать, что вы делаете.

– В десять лет она вряд ли сможет начать работать.

– Это уже мое дело. Я уверена, что лучше выяснить все, что только можно, чем сидеть и плакать.

– А ты не думала о том, что можешь просто напоить ее отравленной водой, когда почувствуешь, что тебе осталось совсем немного?

Маль подняла голову и засмеялась. Ее смех звучал жутко – в нем было намешано столько всего, что Фиц даже выпрямился, ожидая, что она сейчас бросится на него с кулаками или задерет его когтями насмерть.

– Об этом я думаю постоянно, – отсмеявшись и перестав пугать его, призналась она. – Но я не для того ее родила, чтобы убивать собственными руками. Пока есть возможность искать решение, я буду это делать.

Фиц улыбнулся – на сей раз по-доброму.

– Я часто вижусь с теми, кто работает в Корпорации. Не только потому, что покупаю у них воду, нет. Просто по выходным я работаю там же. Обслуживаю трубы основного водопровода.

Это означало, что его работа не менее опасна, чем должность уборщицы, а может, даже больше. Маль впервые ощутила нечто вроде уважения к этому тоненькому мальчику.

– Поскольку работа не ежедневная, платят мало. Кручусь, как могу.

– Понятно.

– И знаешь, я там кое-что понял. Уже месяц запоминаю рисунок труб с чистой водой. Это сложно, но я решил, что так намного интереснее, чем просто травиться за гроши. Рано или поздно я узнаю, куда ведут тонкие трубы, и тогда доберусь до источника. Я очень хочу узнать, откуда они берут чистую воду. Где расположен этот источник или водохранилище или что там у них такое.

Он, как и Син, называл людей, возглавлявших Корпорацию пространным местоимением «они».

– Хочешь прибиться к общему потоку и воровать воду через отдельную трубу? – удивилась Маль. – Это смело.

– Я еще не знаю, что буду с этим делать. Мы с тобой во многом похожи. Ты ищешь, я ищу. Оба не знаем, что именно. Мы беспокоимся просто для того, чтобы не помереть как все. Правда, у меня пока что больше результатов.

Маль оттолкнулась от стены и даже приблизилась к нему на шаг.

– Каких это результатов ты добился?

Фиц посмотрел прямо ей в глаза, словно взвешивая все за и против. После секундной заминки он сжалился над ней и сказал:

– Среди труб, проходящих под землей, я нашел своего клиента. Это человек, который работает, не выходя на поверхность. Он прячется.

Это было очень интересно. Человек, который прячется под землей? Чем он там занимается? От любопытства Маль даже ощутила легкий зуд в ладонях.

– Син знает об этом?

– Нет. Она не спрашивала. Она просто говорит свое и выслушивает меня. Мы с ней болтаем. Син нашла свой выход – продает воду, копит деньги на старость. Ей больше ничего не нужно.

– Ей как раз и нужно.

Фиц упрямо мотнул головой:

– Она не такая цепкая как ты. И ей не о ком заботиться. И потом, я не могу каждому об этом говорить. Если бы я хотел чего попроще, то покупал бы воду прямо в стенах Корпорации, вместо того, чтобы тащить ее долгими окольными путями туда, откуда она, собственно, и притекла. Этот человек очень боится. Он просто помешан на безопасности. Я соблюдаю его правила, потому что завишу от него.

– И ты не знаешь, что он там делает?

– Нет, – нехотя признался Фиц. – Я боюсь на него давить.

Разумные слова. Маль одобительно кивнула. За один вечер ей удалось выяснить много интересного, и теперь она собиралась уйти домой, где ее ждала дочь.

Кто-то решил пойти против Корпорации и приняться за что-то нелегальное, выбрав для своих занятий надежно укрытое место – прямо под ногами у «них». Кто-то поселился там, где его никто не сможет найти. Стало быть, есть еще люди, способные проявить инициативу и решиться поплыть против течения? Маль возвращалась домой, обдумывая новый план действий, и она не сомневалась, что ей нужно встретиться с этим человеком.

Лаборатория

Маль проработала еще два месяца, прежде чем ей удалось продвинуться в своих поисках на следующий шаг. Она регулярно виделась с Фицем, но не очень часто говорила с ним и уж совсем избегала оставаться наедине. Ей не хотелось вызывать подозрений и пробуждать вопросы, отвечать на которые было бы слишком сложно. Поэтому она ограничивалась лишь вежливыми кивками и редкими улыбками.

Огонь, который разожгла в ней Син со своими разговорами, был слишком сильным, и она постоянно наблюдала и запоминала все, что только попадало в поле ее зрения. Однако чем дольше она смотрела на мир, тем больше отвратительных деталей выходило на свет. Она научилась различать людей и мысленно делила их на несколько категорий. Сотрудников Корпорации Маль определяла по чистой одежде и едва уловимому запаху дезинфекторов. Обычных людей – ремесленников, ремонтников, строителей и других горожан – она отделяла от толпы по серым измученным лицам, затертым одеждам и грязным рукам. Люди старались как можно реже входить в контакт с отравленной водой, бежавшей по водопроводным трубам. Она была нужна для уборки и стирки, но после нее всю одежду нужно было обязательно ополаскивать в чистой воде, которой было слишком мало. Поэтому горожане очень редко стирали свою одежду, в то время как те, кто подчинялся правилам Корпорации, были вынуждены стирать и мыться каждый день. Отличить нищих, калек или проституток было еще проще. Маль научилась делать выводы без длительного наблюдения, не таращась по несколько секунд подряд, а бросая беглые взгляд из-под ресниц.

По вечерам она прогоняла злые и противные образы, играясь с Хельгой. Они изображали человечков руками, «переступая» указательными и средними пальцами и поджимая остальные. Одежда превращались в горы, столешница – в площадь, а из кровати при желании можно было сделать целое поле или бесконечную дорогу. Хельга научилась делать разные голоса, подражая мужским, женским и детским (тогда ее и без того нежный голосок становился до умиротворительного тонким). Маль старалась делать так же, и в такие моменты весь мир, существовавший за пределами их комнаты, исчезал и растворялся. Им было весело и тепло вдвоем. Жаль, что такой мир не мог длиться бесконечно. Утром он рассыпался в прах, чтобы возродиться только поздно вечером.

Спокойное время закончилось, когда одним пасмурным днем Фиц подозвал ее к себе, заманив за те же самые мусорные баки.

– Ты заинтересована в том, чтобы узнать о моем клиенте побольше? – таинственно улыбаясь, спросил он.

– Да, – коротко, но емко ответила она.

– Ты хочешь посмотреть на него или просто услышать о нем пару фраз?

– Увидеть? – удивилась она.

– Ага, – почти беззаботно кивнул Фиц. – Тебе очень повезло, что ты встретила меня.

Учитывая, что ей пришлось немало потрудиться, чтобы разговорить его, везением это было трудно назвать.

– И что дальше? Говори быстрее, у меня нет времени болтать, – скомандовала она.

Фиц кивнул, но по его виду можно было сказать, что он явно смаковал этот момент. Маль ждала, скрестив руки на груди и кусая губы.

– Он заболел. Пробудет у себя в доме целую неделю. Ему нужно, чтобы кто-то за ним приглядывал. Он спросил меня, не знаю ли я кого-то не очень болтливого. И судя по тому, что я успел выяснить о тебе, я дал ему правильный ответ.

Маль даже приподнялась и качнулась с носков на пятки.

– Ты сказал, что я смогу сделать это? Он будет платить?

– Да, он заплатит и еще даст воды. Вернее, я дам тебе воды, а он мне за нее заплатит. Целую неделю.

– И ему не нужны услуги сексуального характера? – уточнила Маль.

Фиц хохотнул:

– Нет, не нужны. Он очень стар и, к тому же, болен.

– Стар?

Открытия следовали за открытиями. До старости в Гидроксе дотянуть было практически невозможно. Большинство долгожителей умирали в пятьдесят или пятьдесят пять.

– Я должна буду находиться при нем постоянно? – продолжила расспрашивать она.

– Да. Отсюда уволишься. За все надо платить, а за удовлетворение любопытства – в первую очередь.

Маль опустила голову, раздумывая и сомневаясь. Стоило ли терять постоянную работу из-за жалкой недели заработка и призрачной надежды на получение ценной информации? Все было слишком эфемерным и шатким. Она попросила дать ей немного времени, и Фиц согласился подождать до следующего перерыва.

– Помощь ему нужна уже завтра, так что не тяни.

– Не буду, – кивнула она.

До следующих десяти свободных минут было еще два часа. Маль мыла тарелки на кухне, окунала их в таз с чистой водой и укладывала в стопку прямо на полу. Однообразная работа открывала целый тоннель для мыслей, носившихся в ее голове по всем направлениям. Из раздумий ее вывела одна из новеньких девушек – здесь работницы менялись часто, и, несмотря на то, что она проработала только три месяца, Маль уже успела стать «старушкой».

– Если наши едоки когда-нибудь увидят, как мы отмываем посуду, они нас убьют, – громко заметила новенькая. – Неудивительно, что они так часто травятся.

– Мы травимся еще больше, – встряла другая. – Это мы полощем свои руки в отравленной воде с утра до ночи, а они только пачкают тарелки и уходят. Это мы все время носимся с ядовитыми ведрами, а не они.

Случайные, но правильные слова. Маль опустила голову и вытерла лоб рукавом платья. Все везде и всегда упирается в смерть. Уж лучше пусть эта дорога затрагивает нечто полезное, а не проходит вхолостую.

Дождавшись перерыва, она вышла во двор и нашла почти задремавшего за баком Фица.

– Я пойду. Сегодня же уволюсь отсюда, – сказала она, присев рядом с ним.

– Отлично. Я, в общем-то, и не сомневался в том, что ты умная. Правда, я сказал ему, что ты как раз не очень сообразительная. Понимаешь, ему это было нужно. Чтобы у него по дому не шастали всякие активные личности, способные совать свой нос не в свои дела.

Маль выпустила короткий смешок:

– Умные как раз и не лезут в чужие дела. Только тупицы вечно стараются везде встрять.

– Он не очень разбирается в людях – всю жизнь сидит по лабораториям. У них это наследственное.

– Что именно?

– Это, – он неопределенно взмахнул ладонью, словно отгоняя от лица дым или что-то в этом роде. – Это самое, что называется склонностью к наукам. Его отец и дед были учеными.

– Как интересно.

– И не говори. Жуть просто как интересно. Вот пойдешь завтра к нему и все выяснишь. За неделю успеешь?

Маль пожала плечами и поднялась.

– Постараюсь.

Она стала стряхивать налипшую на подол грязь, и в этот момент Фиц поймал ее за запястье.

– Я ведь не просто так проявляю подобную щедрость, ты же понимаешь? – глядя на нее снизу вверх, сказал он.

– Поняла уже.

– Расскажешь мне все, что узнаешь у него? Я ведь поделился с тобой тем, что мне удалось выяснить.

– Конечно, – Маль высвободила свою руку и выпрямилась. – Ты мог бы даже не говорить об этом.

На следующий день он отвел ее к нужному дому и сказал, в какую комнату нужно постучаться. Ему хотелось подняться вместе с ней, но он уже опаздывал на встречу к очередному поставщику, и потому ограничился общими инструкциями.

Лучше не смотреть на него слишком долго, он этого не любит. Никаких посторонних вопросов – только по делу. Не переставляй его вещи. Не напевай себе под нос. И вообще, держись незаметно, но появляйся, когда ему нужно. Не заставляй повторять по два раза, он от этого начинает злиться.

И только когда Фиц совсем скрылся из виду, Маль поняла, что он так и не сказал ей, как зовут этого самого ученого.

Пыльные подъезды в разводах подсохшей зловонной жидкости. Маль обходила исчезающие лужи и следы потасовок между жильцами – кое-где по стенам атели кровавые потеки, тянувшиеся до самого пола. Осколки, обрывки бумаги и прочий мусор. Все как всегда.

Перед нужной дверью она расправила плечи, сделала глубокий вдох и негромко постучалась. Послышались неторопливые шаркающие шаги, щелкнул замок (очевидно, старцу был чужд страх), и дверь с сухим скрипом поехала на петлях.

– Добрый день. Я знакома с Фицем. Он говорил о вас.

Три фразы – больше и не нужно. Что еще можно добавить? Старец пригляделся к ней, поправил очки, а потом молча отошел от двери, чтобы она смогла протиснуться внутрь.

– Он и мне говорил о тебе. Как тебя зовут? – необычно ровным и даже молодым голосом заговорил он, когда они прошли в единственную комнату.

– Маль.

– Красивое имя. Что ты умеешь?

– Я работала уборщицей в Корпорации. Умею все, что касается чистоты.

– А готовить отвары?

– Нет.

– Это ничего. Идем, я покажу.

Он провел ее через комнату к другой двери, за которой находилась небольшая кухня. Там, на столе, аккуратными кучками была сложена какая-то измолотая в пыль трава. В этой массе еще нужно было суметь распознать траву. Хозяин ткнул пальцем в одну кучку и сказал:

– Одну дозу травы на один стакан кипятка. Ставишь котелок на плитку, ждешь, пока закипит, бросаешь в булькающую воду траву и снимаешь с огня через две минуты. Это нужно будет делать каждый день.

Маль покосилась на стол. Всего семь кучек.

– Еда мне будет не нужна. Не давай, даже если я буду просить.

– Целую неделю? – удивилась Маль.

– Да, целую неделю.

Старец был высоким и широкоплечим, но каким-то рыхлым, отчего его внушительность создавала ощущение неповоротливости, а не силы. Маль доставала ему только до плеча, но при этом не чувствовала себя уязвимой или слабой.

Ей еще не приходилось видеть так близко живых старых людей. Она осторожно наблюдала за ним, подмечая медленные движения, тяжелое дыхание, странную осанку и сморщенную кожу на тыльной стороне ладоней. Как ему удалось прожить так долго?

Запратав свое любопытство подальше, Маль послушно кивала, принимала все указания и больше не задавала вопросов.

Закончив со всеми инструкциями и показав ей все водные запасы (как неосторожно!), он, наконец, представился:

– Если захочешь обратиться ко мне, то называй Рувимом. Это мое имя.

Маль только улыбнулась, поскольку ответить ей было нечего – ее имя он уже знал.

Работать с Рувимом в первый день было непросто. Все было в новинку, а в тесной квартире любая оплошность была на виду. Нравом старец обладал непростым, терпение у него было хрупким и от любого промаха испарялось или распадалась на мелкие осколки. В словах Рувим был резок и груб, но Маль привыкла и к худшему, а потому успешно закрывала на все глаза и продолжала работать.

Нужно было вымыть пол в комнате, перестелить постель и выстирать сложенное заранее белье, присоединив к нему грязные простыни с кровати. После этого она переливала чистую воду по бутылкам, закручивала их намертво крышками и откладывала под стол. Работы хватало. Переливая воду и занимаясь бутылками, Маль слишком сильно утомилась. Она привыкла беречь каждую каплю, а ее руки устали от постоянного напряжения и страха пролить мимо хоть грамм драгоценной воды.

Когда она закончила этим заниматься, из комнаты раздался слабый голос. Маль немедленно поднялась и открыла дверь.

Странно. Рувим выглядел вполне здоровым, когда впустил ее, а сейчас ему явно было очень плохо. Он лежал на постели, его лоб покрылся испариной, а зубы стучали. Когда она приблизилась к кровати, он поднял на нее затуманенные болью глаза.

– Отвар готов? – спросил он, едва справившись с очередным спазмом.

– Да.

– Он остыл?

– Да.

– Тогда принеси его мне.

Маль повиновалась. Она поила его небольшими глотками, придерживая увесистую голову другой рукой. Это было тяжело, но зато результат не заставил себя ждать – его взгляд прояснился, а дрожь, прошивавшая его тело насквозь, унялась и ослабла.

Никаких вопросов. Ничего не спрашивай.

А как хотелось узнать, в чем причина такой боли и откуда он знал, что ему станет плохо именно сейчас! Может быть, это связано с возрастом? Может быть, дожившие до старости просто чувствуют, когда приближается болезнь? Да и что это за хворь такая? Маль благоразумно держала свои вопросы при себе, хотя любопытство от этого разжигалось лишь сильнее.

Первые три дня прошли практически одинаково. Старец дрожал, страдал от боли и просил есть, но, как ей и было сказано до этого, Маль ничего ему не давала. Вместо этого она приносила ему очередную бутылку и уходила из комнаты. Ей приходилось выносить горшок, стоявший под его кроватью, чистить пол после того, как на него накатывала тошнота, и по возможности помогать ему переодеваться.

Она никогда не видела, чтобы кто-то выпивал так много воды. Рувим постоянно хотел пить, и она послушно приносила ему то, что он просил. Время от времени приходил Фиц – он приносил новые канистры и забирал пустые.

Вечером обессиленная и измотанная Маль возвращалась домой с деньгами в кармане. По дороге она встречалась в условленном месте с Фицем и забирала три литра воды. Хельга встречала ее встревоженными взглядами и молчаливыми вопросами, струившимися из-под ее

ресниц. Сама Маль думала о том, что если так будет продолжаться всю неделю, то к концу она просто умрет от истощения. Рувиму было нельзя есть. У нее на еду просто не было времени.

На четвертый день все изменилось – Рувим поднялся на ноги и сам прошел в ванную, где очень долго плескался. Маль беспокоилась о нем, поскольку не была уверена в том, что он сможет правильно закрепить защитную маску и не сделать случайно пару глотков во время душа. Однако вопреки ее страхам Рувим выбрался здоровым и невредимым, без каких-либо признаков отравления.

За это время они оба исхудали и побледнели так, что теперь больше походили на мертвецов. Обидным было еще и то, что ничего полезного вывести не удалось. Маль еще не знала, что все это было только началом.

После душа Рувим стал значительно бодрее, хотя по его словам принимать пищу ему все еще было нельзя. Однако дежурить у его кровати тоже не было никакой необходимости. Маль стала чаще открывать окно на кухне и дышать воздухом, а в перерывах между делами она перехватывала по кусочкам хлеб или что-нибудь еще.

Он совсем не удивился тому, что на четвертый день стало легче. Будто только этого и ждал. И вообще, все это время Маль не покидало ощущение того, что Рувим сам все спланировал – до того точными и своевременными были предпринятые им меры.

Разговаривать с ним было невозможно, и Маль сосредоточилась на наблюдениях, тем более что после того, как он пришел в себя, это стало значительно проще. Очевидно, Рувим не замечал ее внимательных взглядов, либо ему просто очень сильно мешало плохое самочувствие. На пятый день его бдительность ослабла, а может быть, сыграло роль что-то другое, о чем Маль еще ничего не знала. Во всяком случае, к обеду она кое-что увидела. Кое-что очень подозрительное.

Отмучившись со стиркой, она вышла из ванной комнаты, по пути отметив, что ее работодатель лежал на кровати почти без движения. Его лицо было бледным и измученным. В этом не было ничего удивительного, поскольку временами на него еще накатывали приступы боли, после которых он отлеживался долгими часами и даже отказывался от воды. Миновав жилую комнату, Маль прошла на кухню.

Там она обнаружила стакан с еще мокрыми стенками. Ей хотелось сказать Рувиму, чтобы он не поднимался из-за такой ерунды и говорил ей, если ему очень хочется пить, но тот факт, что на столе не было бутылки, ее остановил. Она проверила все бутылки под столом и те, что отложила для сегодняшнего дня в один из шкафов. Все они стояли на прежних местах, а их крышки и горлышки оставались сухими. На стеклянных боках не было никаких отпечатков и следов. Страшная догадка пронзила ее, и Маль подошла к крану с водопроводной водой. Словно в ответ ее мыслям, с края крана соскользнула капля. Вентиль был еще мокрым, да и раковина тоже. Старец выпил отравленную воду.

Отбросив все сомнения и осторожность, Маль забежала в комнату и бросилась к кровати. Она принялась ощупывать лицо Рувима, пытаясь определить, как давно он решил отравиться. В ее голове мелькали разные мысли и вопросы.

Неужели его болезнь так мучительна? Что с ним случилось? Скрывает ли он что-то иное, более жуткое, чем то, о чем ей уже известно? Или может быть, он узнал, что его подземную лабораторию раскрыли, и теперь за ним организована слежка? Может, он боится суда и приговора?

Она знала, что судороги и агония длятся не больше получаса. За это время яд успевал проникнуть во все ткани и парализовать тело. Спасти старца в любом случае было нельзя, но, повинаясь инстинктам, Маль приподняла его тяжелую голову и попыталась определить, как далеко продвинулось действие непригодной воды.

К ее удивлению, Рувим открыл глаза и наградил ее недовольным, но вполне ясным взглядом.

– Чего носишься? – приподнимаясь на локтях и вырываясь из ее хватки, спросил он. – Чего тебе?

Она отпустила его, и он вновь упал на подушки.

– Вы пили воду из-под крана, – констатировала она. – Я проверила, вы выпили стакан отравленной воды. Скоро вы умрете, так что лучше заплатите за сегодняшний день прямо сейчас.

– Дурная девчонка, – отмахнулся от нее Рувим. – Я не собираюсь умирать. Я ничего не пил.

– Пили, – настаивала Маль. – Мокрый кран и такой же стакан. В раковине еще не высохли капли. А бутылки сухие.

– Тебе показалось, – опустил веки и сдвинув мохнатые брови, отрезал он.

– Я не идиотка, и мне никогда ничего просто так не кажется. Если собрались отравиться, то...

Бледно-голубые выплывшие глаза открылись и воззрились на нее с затаенной злостью. Позже, вспоминая этот момент, Маль поняла, что рисковала гораздо сильнее, чем могла представить. Но ей повезло, и, рассуждая, как лучше с ней поступить, Рувим сделал выбор в пользу жизни.

Убить человека ничего не стоило. Он мог плеснуть ей в лицо отравленной водой, когда она меньше всего бы этого ожидала. Один случайный глоток, и жизнь для нее была бы окончена. Однако что-то подтолкнуло его заговорить, а не затаиться со своими темными планами.

– А ведешь себя как идиотка, – наконец, сказал он. – Слезь с моей кровати немедленно.

Маль послушно поднялась и застыла рядом, не собираясь уходить. Рувим уселся и поправил воротник рубашки. Умирать он не собирался, и это было самым удивительным.

– Наблюдательная. Я просил Фица привести кого попроще, но ты, видно, и его надурила со своей напускной кротостью, – ухмыльнулся он. – И что же ты будешь делать?

– Еще не знаю, – ответила она. – Для начала было бы неплохо узнать, зачем вы отравились, а потом выйти отсюда живой и невредимой.

Рувим кивнул.

– Я не отравился. Как видишь, вполне жив и здоров. Разве такое может быть, если выпить отравленной воды?

– Разумеется, нет.

– Значит я, разумеется, должен умереть?

– Наверняка.

– А я не умираю. Так что я не пил ту воду.

Ощувив, что она подошла слишком близко к запретному и уже занесла ногу за красную черту, Маль сделала шаг назад.

– Хорошо. Я ошиблась.

Не дожидаясь, пока Рувим скажет еще что-нибудь, она вышла из комнаты и вернулась на кухню.

Вечером она встретилась с Фицем, чтобы получить оплаченную заранее Рувимом воду и заодно поделиться тем, что ей удалось увидеть.

Фиц ждал от нее новостей каждый вечер, но до сего момента она всегда приходила пустой и разочаровывала его. Сегодня она, наконец, могла рассказать хоть что-то.

Он ждал ее на прежнем месте.

– Воду потом, – обходясь без приветствия, сказала она. – Сколько у тебя времени?

– А есть что-то интересное?

– Я могу рассказать позже, когда закончится моя неделя.

– Ну, уж нет, выкладывай сейчас.

Фиц даже облизнулся в предвкушении.

– Учти, об этом никому нельзя говорить, – предупредила его она. – И ты ничем не должен показывать то, что знаешь.

– Я не тупой.

Маль рассмеялась, а потом, максимально сокращая историю, рассказала ему то, что выяснила и заметила. Она упомянула о том, что Рувим притворился, будто ничего не было, а также отметила, что в какой-то момент он был готов броситься на нее с кулаками.

От таких разговоров у Фица загорелись глаза. Наконец-то они нашли что-то стоящее! Старецпил ядовитую воду и не умер. Чем же такое можно объяснить?

– Ты опасная женщина, – посмеиваясь, заключил он. – Очень опасная. Правда, простоватая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.